

ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ

УДК 94(38): 355.422

Саркіс Казаров

ПОЛКОВОДЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И АРМИЯ ЭПИРСКОГО ЦАРЯ ПИРРА

Саркіс Казаров. Полководческое искусство и армия эфирского царя Пирра. Стаття посвящена полководческому искусству и армии эфирского царя Пирра. Автор анализирует отдельные контингенты армии и его тактику в различных сражениях.

Ключевые слова: профессиональная армия, ополчение, полководческое искусство, конница, боевые слоны.

Саркіс Казаров. Полководчеське мистецтво і армія епірського царя Пирра. Стаття присвячена військовому мистецтву та армії епірського царя Пирра. Автор аналізує окремі контингенти армії і його тактику в різних битвах.

Ключові слова: професійна армія, ополчення, полководчеське мистецтво, кіннота, бойові слони.

Один из выдающихся полководцев древности – эфирской царь Пирр, участвуя в многочисленных походах и войнах, должен был опираться на хорошо обученную и боеспособную армию. Именно она помогала знаменитому эфироту осуществлять его блестящие полководческие замыслы. С другой стороны, профессиональная, хорошо обученная армия была одним из обязательных атрибутов эллинистической монархии можно назвать наличие профессиональной, хорошо организованной армии. Как справедливо отметил П. Левек, «в те периоды, когда потребность в солдатах становилась особенно острой, связанный с полисной системой гражданский набор уже не мог удовлетворить нужды государства. Поэтому эллинистические монархи были вынуждены прибегать к услугам наёмников, следуя практике, восходящей к IV в. до н.э.»¹.

Вполне возможно, что первоначально армия Эпира должна была состоять только из ополчений отдельных племён, собиравшихся только в целях обороны от внешней опасности. Если мы вспомним историю допиррового Эпира, то утверждать подобное можно с большей долей вероятности по той причине, что эфироты практически не вели завоевательных войн. А для чисто оборонительных действий было достаточно и гражданского ополчения. При Пирре ситуация должна была измениться кардинальным образом. Многочисленные войны вдали от Эпира потребовали перехода от гражданского ополчения к боеспособной профессиональной армии.

Приступая к исследованию армии и военного искусства Пирра, мы, к нашему глубокому удивлению, столкнулись с парадоксальным явлением: все ис-

следователи, отмечая выдающийся полководческий талант Пирра, практически ни единым словом не обмолвились о его армии. Исключением можно назвать разве что статью Ю. Н. Белкина, которая, по своей сути, всё же носит научно-популярной характер².

Обучению солдат владению оружием и тактике боя Пирр придавал большое значение. По всей вероятности, этим делом он не гнушался заниматься лично сам. Его обращение к некоему лицу, набравшему для него солдат «ты выбирай рослых, а я их сделаю храбрыми» (Front. IV. 1.3), говорит о многом. Даже своих детей он воспитывал прежде всего, для будущих сражений в качестве храбрых воинов. Когда один из его детей спросил у отца, кому из них он оставит своё царство, Пирр ответил: «Тому из вас, у кого будет самый острый меч» (Plut. Pyrrh. 9).

То количество воинов (особенно 20 тыс. пехоты), которое Пирр повёл за собой в Италию, без сомнения, должно было включать в себя и наёмников. Наиболее показательным в этом отношении является то перечисление различных воинских подразделений его армии, которое даётся античными авторами перед битвой при Асукуле (Dion. Hall. XX. 1; Front. II. 3.21; Polyb. XVIII. 28.10).

Трудно определить, какие из них сражались в качестве ополченцев, а какие были наёмниками. Его рекруты, по всей вероятности, были его соотечественниками (молоссы, феспроты, хаоны, амбракиоты). В войске также находилась наёмная пехота из Этолии, Акарнании и Афамании³. Каков был статус македонской тяжёлой пехоты и фессалийской конницы, предоставленных на два года Пирру Птолемеем Керавном, трудно определить. Всё же более вероятно, что они служили за деньги. По всей вероятности, после прибытия на италийскую землю армия Пирра полностью приобрела наёмный профессиональный характер и таковой оставалась вплоть до его смерти.

В дополнение к тарентинским рекрутам должны были иметься и наёмники на тарентинской службе. Неясно, набирал ли Пирр наёмников после своей высадки в Италии, хотя понятно, что он был поддержан тарентинскими горожанами, наёмниками и союзниками⁴.

Косвенным свидетельством наличия наёмников в армии Пирра может служить то, что он постоянно нуждался в деньгах для оплаты своим воинам. Катастрофическая нехватка средств, необходимых для оплаты наёмникам, всё время сопровождавшая все его военные кампании, толкала на экстренные и порой очень непопулярные меры (похищение сокровищ из храма Прозерпины в Локрах, разграбление македонских городов, обременительные подати, наложенные на города Сицилии и т.д.).

Какие виды войск имелись в армии Пирра? Во-первых, конница. Можно согласиться с мнением Ю. Н. Белкина, что «роль конницы в эпирской армии была столь же велика, как и в македонской»⁵. Кавалерия эпиротов походила на кавалерию македонян, она действовала как телохранители царя и атакующая сила⁶. Известно, что Пирр, отправляясь на Запад, имел в своей армии три тысячи конников, что в пропорциональном соотношении с количеством пехоты составляет вполне достаточную цифру. Однако, не совсем понятно мнение

Ю. Н. Белкина о том, что «неизвестно, где Пирр набирал контингенты для своей кавалерии...»⁷. Источники на этот счёт дают вполне конкретные ответы. Во-первых, в армии Пирра находилась известная своими боевыми качествами отборная фессалийская конница, которую он использовал для преследования или окончательного разгрома противника, как это имело место в битве при Гераклее (Plut. Pyrrh. 17). По-видимому, эта конница в числе других подразделений, была предоставлена Птолемею Керавном Пирру для его Западной кампании.

Мы находим также упоминание и о «молосской коннице». Именно с ней Пирр обрушивается на спартанский отряд Эвалка, узнав о смерти сына, и полностью его уничтожает (Plut. Pyrrh. 30). По всей вероятности, этот отряд как раз и служил в качестве личной гвардии царя, предназначенной для решения оперативных вопросов. В составе конницы должна была находиться и её «элита» – друзья царя, которые всегда находились и сражались рядом с ним⁸. Решающая роль кавалерии в эпирском войске, по словам Ю. Н. Белкина, подчёркивается тем фактом, что «сам Пирр во всех сражениях предстаёт в качестве кавалерийского командира, лично возглавляющего атаки конницы на решающих участках боя»⁹. Если уж не решающую, то, во всяком случае, значительную роль в войске Пирра конница, без сомнения, играла.

Решающую же роль, как и во всех греческих армиях, в армии Пирра играла пехота. Её подразделения отличаются разнообразием, и видимо, каждое из них должно было использоваться для решения конкретных оперативных задач. Так, в войске находились так называемые «хаонские логады» – отборный отряд из отличавшегося своей воинственностью племени хаонов, который, по-видимому, использовался для решения задач особой сложности. Мы видим, как во время штурма Спарты, наряду с наёмниками-галатами, этот отряд во главе с сыном Пирра Птолемею был брошен царём для прорыва через спартанские колесницы (Plut. Pyrrh. 28).

Еще одним подразделением пехоты были так называемые щитоносцы-гипасписты, о которых упоминает Плутарх (Plut. Pyrrh. 24) и которые, как предполагает Н. Хэммонд, находились под командой самого царя¹⁰.

Однако, по нашему мнению, самое важное значение имела находящаяся в войске Пирра македонская фаланга. Часть македонян попали в войско Пирра от Птолемея Керавна, но не исключено, что другая часть македонян была нанята Пирром в качестве наёмников. По нашему мнению, в македонском обществе в период войн диадохов и эпигонов сложился слой так называемых «солдат удачи», постоянным заработком которых стала война. В большинстве своём это были одни и те же лица, многие из которых были лично известны Пирру. Характерный эпизод мы находим у Плутарха: после того, как находящаяся в армии Антигона македонская фаланга уклонилась от боя с Пирром, царь Эпира «простёрши к ним руку, стал поимённо окликать всех подряд начальников, и старших, и младших, чем побудил пехоту Антигона перейти на его сторону» (Plut. Pyrrh. 26).

Откуда Пирр мог поимённо знать всех командиров македонян? Видимо,

некоторые из них были ему знакомы по прошлой службе у Деметрия, другие могли даже какое-то время служить в его войске во время его Западной кампании, после чего вернулись на родину в Македонию. Но Пирр хорошо знал их, и они знали Пирра и, не желая с ним сражаться, разумно уклонились от боя, а затем приняли его приглашение и дружно перешли на его сторону.

Отличие от македонской фаланги в классическом понимании, эта фаланга, находившаяся под командованием Пирра, отличалась подвижностью и мобильностью. Единственным её недостатком было то, что и её результативность также зависела от рельефа местности. Зажатая в неблагоприятной местности у Аускула, она несла тяжёлые потери, и лишь полководческое искусство Пирра помогло всему войску вырваться на равнину, где и пришёл решающий успех.

Именно тяжёлая пехота, построена в фалангу, как при Геракле, так и при Аускуле, решала исход сражения, причём в обоих случаях во главе её находился Пирр, который лично вёл своих воинов в бой. Тяжёлый урон римским легионерам нанесли македонские сариссы, которыми по традиции были вооружены фалангисты и против которых римляне безуспешно сражались, о чём недвусмысленно сообщает Плутарх (Plut. Pyrrh. 21).

Определённое значение Пирр придавал и легковооружённой пехоте. Как известно, в отправляющемся на Запад войске находились 2 тыс. лучников и 500 пращников (Plut. Pyrrh. 15). К сожалению, мы не имеем точной информации, как этот вид войска использовался Пирром, но можно предположить, что его роль была ограничена и не выходила за рамки традиционной тактики эпохи эллинизма. Это, в свою очередь, не исключало и нетрадиционного для той эпохи их использования. Так, при Аускуле, атакуя противника, Пирр расставил метателей дротиков и лучников между слонами, при этом, сохраняя сомкнутый строй и не опасаясь того, что те при неблагоприятном стечении событий, могут быть раздавлены слонами. Здесь мы видим блестящее и успешное комбинирование различных сил: мощный натиск слонов, подкреплённых легковооружённой пехотой, а затем, по-видимому, дело довершили тяжёлая пехота и конница.

В эллинистическую эпоху всё большее значение в боевых действиях начинают играть слоны. Наступили те времена, когда ни одна считающаяся значительной армия не могла обходиться без этой грозной силы. П. Левек приводит пример, когда один из последних македонских царей, не имея на вооружении слонов, был вынужден соорудить их муляжи, чтобы не ударить лицом в грязь перед противником¹¹. В древности гораздо больше ценились именно индийские слоны. На этот счёт сохранилось интересное указание Курция Руфа: «Индийские слоны сильнее тех, которых приручают в Африке; их силе соответствует и величина» (Curt. VIII. 9.17).

Еще в юности, находясь при дворе Антигона и его сына Деметрия, Пирр мог наблюдать эффективность использования слонов. Именно тогда, в битве при Ипсе, он мог видеть, как Селевк с помощью брошенных вовремя в бой слонов, смог отсечь оторвавшуюся от основных сил конницу Деметрия, а затем и разгромить её¹².

Юстин сообщает о том, что, отправляясь в Италию, Пирр, кроме разнообразной помощи от эллинистических монархов, получил также 20 слонов от Птолемея Керавна (Just. XVII. 2.13). В свою очередь, Павсаний сообщает, что слоны попали в плен к Пирру после битвы с Деметрием (Paus. I. 12.4), но, по-видимому, здесь, очевидно, какая-то путаница. Естественно, что своих слонов в то время у Пирра ещё быть не могло, а Птолемею Керавну они достались, по-видимому, после вероломного убийства им своего покровителя Селевка. Немецкий военный историк Г. Дельбрюк замечает, что Пирр, прибавив к войску слонов, сделал свои вооружённые силы более грозными, чем они были некогда при Александре¹³.

Переправа слонов длинным морским путём могла представлять определённые технические сложности, однако она была уже хорошо известна по опыту: незадолго до описываемых событий подобную проблему успешно решил Птолемей, переправив африканских слонов через Красное море¹⁴. Пирру удалось успешно без потерь переправить всех слонов в Италию, появление которых произвело на тарентинцев глубокое впечатление: была отчеканена серия монет с изображением маленького индийского слона, что символизировало прибытие Пирра, а чуть ниже был изображён наездник на дельфине¹⁵. Поскольку эпоним города Тарас считался сыном Посейдона и изображался на гербе города сидящим на дельфине, то намёк на подобную легенду на монете мог символизировать нерушимый союз тарентинцев и Пирра¹⁶.

Первое же знакомство римлян с доселе неизвестными им слонами произошло в битве при Гераклее, когда в решающий момент сражения Пирр бросил их в бой, наведя ужас на вражескую конницу и обратив её в паническое бегство.

Многие историки обратили внимание на то, что здесь, вопреки обычному использованию слонов в эллинистические времена, они не были расположены в первой линии как ударная сила. Объяснение этому немецкий учёный В. Юдайх пытается найти в неблагоприятных условиях местности, которые, якобы, не позволили Пирру использовать в первый день битвы¹⁷.

Свои недоумения и сомнения по поводу описанного использования слонов в битве высказал и Г. Дельбрюк. «Нельзя подыскать никакого основания к оставлению слонов в тылу. Ведь в противном случае Пирр добровольно обрекал бы свою пехоту на тяжёлые потери: вместо того, чтобы сначала смести римскую конницу своими слонами и затем ударить с флангов на римскую пехоту, он предоставил фаланге семь раз чередоваться с римскими легионами в бегстве и преследовании»¹⁸. Кроме того, высказывается мысль о невозможности выдвигания слонов против пехоты. Таким образом, ставится под сомнение само описание битвы античной исторической традицией.

Однако с подобными утверждениями едва ли можно согласиться. Во-первых, Пирр первый раз встретившись на поле боя с доселе неизвестным противником, не мог реально представлять его силу. Поэтому напрашиваются два возможных варианта: либо Пирр рассчитывал справиться с римлянами с помощью одной фаланги, либо, в случае неудачного развития сражения, ошело-

мить противника этой неизвестной ему силой. Во-вторых, эфирский царь, будучи прекрасно знаком с различными вариантами использования слонов в эллинистическом мире, сознательно подготовил римлянам своеобразный сюрприз. Внезапное появление слонов в самый разгар битвы, когда, казалось, враг уже торжествовал победу, должно было внести (и внесло!) коренной перелом в сражении. Нельзя не согласиться с мнением немецкого учёного О. Гамбургера о том, что использование слонов для завершающего удара было своеобразием тактики Пирра по отношению к римлянам¹⁹. К тому же использование неизвестных римлянам животных могло произвести и определённый психологический эффект. Как справедливо подметил У. фон Хассел, решение Пирра использовать слонов сопоставимо с тем эффектом, который произвело появление танков на немецких солдат в ходе первой мировой войны²⁰. И, в-третьих, как нам кажется, нельзя не учитывать ещё одно обстоятельство. В юности Пирр мог наблюдать сражения, в которых с разных сторон участвовало до сотни слонов (достаточно вспомнить, что однажды в армии Селевка насчитывалось до 450 слонов!), поэтому, имея столь незначительное количество животных, он мог и не рассматривать их в качестве решающей силы.

Однако, как бы то ни было, применение слонов в первой битве с римлянами имело грандиозный успех, причём, как справедливо заметил Г. Скаллард, «ни один слон не был ранен и не нарушил боевого порядка»²¹. Вместе с тем, Зонара, единственный из описывающих битву историков, дополняет её любопытной деталью: у слонов на спинах размещались башни, в которых находились воины. Часть римлян была поражена стрелами и копьями находящихся на этих башнях воинов Пирра, часть была поражена хоботами и бивнями слонов, а то и просто растоптана ими (Zon. VIII. 3).

В битве при Аускуле Пирр также ввёл слонов в бой не сразу. По мнению, утвердившемся в историографии, эта битва продолжалась два дня²² и лишь на второй день ему это удалось сделать. Римляне, наученные горьким опытом Гераклеи, предприняли ряд мер с целью нейтрализации этих грозных животных. Довольно подробное описание этих приготовлений мы находим у Дионисия и Зонары. Так, Зонара пишет о том, что римляне, среди других приготовлений, в качестве средства против слонов использовали окованные железом багры, размещенные на повозках и вытянутые по всем направлениям. Против слонов также предполагалось использовать огонь и различные метательные снаряды (Zon. VII. 6).

Согласно Дионисию, для борьбы со слонами римляне подготовили 3 тыс. повозок, на которых были размещены вращающиеся в разные стороны багры и балки, на концах которых были размещены трезубцы, мечеподобные щиты или железные косы. Было приготовлено также несметное количество факелов, обмазанных смолой, которые предполагалось зажечь, и при сближении со слонами, осыпать последних ударами, по мордам и по туловищам животных (Dion. Hall. XX. 7).

Насколько эффективными оказались эти приготовления? К сожалению,

имеющиеся в нашем распоряжении данные античной исторической традиции из-за своей тенденциозности не позволяют нам в полной мере ответить на данный вопрос. И всё же ясно одно: несмотря на то, что римляне и нанесли слонам определённый урон, противостоять им и на этот раз они оказались не в силах.

Какова дальнейшая судьба слонов Пирра? Переправившись на Сицилию, Пирр захватил их с собой. Использование их на Сицилии (а об этом недвусмысленно сообщает Диодор Сицилийский – XXII. 10.2) диктовалось той тактикой, которую предложили карфагеняне эпирскому царю: укрываясь в своих укрепленных пунктах, не вступать в открытые сражения. Следовательно, слоны должны были быть использованы в атаках на эти укрепленные пункты. Однако всё же каких-либо достоверных известий об использовании Пирром слонов на Сицилии мы не имеем.

Как было уже ранее отмечено, в битве при Беневенте слонам было суждено сыграть роковую роль теперь уже для Пирра. Как сообщает Плутарх, для того, чтобы овладеть высотами вокруг Беневента, Пирр предпринял обходной марш, в котором участвовали и самые свирепые из его слонов (Plut. Pyrrh. 25). Свои сомнения относительно участия в нём слонов высказал А. Санти, по мнению которого из-за сложного рельефа местности и ограниченности во времени это кажется маловероятным²³. С подобной точкой зрения согласен и французский историк П. Левек, по мнению которого трудно представить, чтобы по тем козым тропкам, по которым еле передвигались гоплиты, могли бы двигаться и слоны²⁴. Эти сомнения попытался развеять Г. Скаллард, автор капитальной монографии об использовании слонов в Греции и Риме. При этом он ссылается на один исторический факт, когда в 1944 году партия из сорока пяти слонов была переправлена по крутой горной дороге из Бирмы в Ассам²⁵. На наш взгляд, при том «нестандартном» использовании слонов, которое практиковал Пирр, подобное вполне могло иметь место.

Античная историческая традиция сохранила рассказ о том, что во время битвы при Беневенте маленький слонёнок, находившейся рядом с самкой, был ранен копьем в голову, и пронзительно визжа от боли, бросился назад. Услышав этот визг, мать-слониха бросилась на помощь своему детёнышу, произведя переполох в боевых порядках эпиротов (Dion. Hall. XX. 12.14; Flor. I. 13.12; Zon. VIII. 6).

С рассказом о слонёнке некоторые исследователи связывают изображение на блюде из Капены, хранящемся ныне в Музее Виллы Джулия (Villa Giulia Museum)²⁶. На этом блюде изображён индийский слон с башней на спине и бегущий сзади слонёнок. Слон на гравюре имеет длинные бивни, характерные для индийских слонов, но здесь художник мог изобразить самца, не зная, что самка не могла иметь такие. Что же касается самок, то о них известны и другие упоминания. Так, Элиан (XI. 14) специально упоминает самку слониху по имени Никая, которая находилась в войске Антигона Гоната во время осады им города Мегары в 270 г. (см.: Polyen IV. 6.3). По сообщениям источников, после битвы при Беневенте римляне захватили 8 слонов (и ещё два были убиты). Позднее, в

275 г. Курий во время своего триумфа продемонстрировал их римлянам, которые именно в это время увидели их в первый раз (Plin. Nat. Hist. VIII. 16). По Евтропию (II. 14.3), в триумфе участвовали 4 слона, что позволяет предположить, что остальные четыре, видимо, умерли от ран.

Однако некоторые историки, в частности К. Ю. Белох, на основании пассажа Плиния (Metellus... qui primus elephantos in primo bello Punico duxit in triumpho – VII. 139) высказали свои сомнения: если Метелл был «первым», следовательно, им не мог быть Курий.

Однако, интерпретация здесь не совсем точна: «primus» здесь может означать, скорее всего, «первый во время пунической войны», нежели «первый в истории». Именно так лучше всего видится объяснение полупонятного пассажа Плиния, нежели отрицание его правдивости.

В более позднюю эпоху появился ещё ряд анекдотов о слонах вообще, в том числе и о пирровых. Так, Элиан рассказывая о том, что слон труслив, как безрогий баран, и визжит, как свинья, сообщает о том, что римляне обратили в бегство слонов Пирра и одержали славную победу (I. 38). Постепенно родилась всеобщая идея, что слоны могут быть обращены в бегство маленькими животными (Plut. De Sollert. Animal. 32; Quest. conviv. II. 7.3; Plin. Nat. Hist. VIII. 27), которая была резюмирована Сенекой: «elephantos porcina vox terret» (De ira. II. 11.5).

По возвращении Пирра на Балканы, в одном из столкновений с войском Антигона Гоната в плен к Пирру попали около 20 слонов, которые, в свою очередь, могли Антигону достаться от Кассандра. Число слонов Пирра достигло 24, с которыми он и направился на Пелопоннес (Plut. Pyrrh. 26). Последние упоминания о слонах Пирра и их использовании мы находим при описании штурма Аргоса. И здесь вновь Пирр предпринял весьма нестандартную попытку использования слонов, до сих пор неизвестную в эллинистическом мире. Слоны были брошены не просто на штурм городских укреплений, была предпринята попытка их использования на узких улочках города. При попытке провести слонов через открытые ночью своими сторонниками ворота, выяснилось, что они в них не проходят, и воины Пирра были вынуждены сначала снимать, а затем надевать снова башни на спины слонов, что отняло очень много времени.

По всей вероятности, в темноте, на узких улочках города применение слонов не дало того эффекта, который достигался их использованием в открытом сражении. В самый разгар сражения вожак, самый большой слон, был смертельно ранен врагами и, упав у самих ворот, жалобно трубил, преграждая тем самым путь к отступлению. Другой слон из тех, что только вошли в город, по имени Никон, разыскивая своего раненого погонщика, упавшего с его спины, нёсся навстречу отступающим эфиротам, опрокидывая как своих, так и чужих. Найдя труп горячо любимого им погонщика, Никон бережно поднял его с помощью хобота и клыков и, словно взбесившись, повернул назад, валя на землю и убивая без разбора всех, кто попадался ему на пути (Plut. Pyrrh. 23).

Эти события надолго сохранились в памяти потомков. Когда примерно через 400 лет путешественник Павсаний посетил Аргос, он увидел на рыночной

площади города не только святилище Деметры, в котором, якобы, были захоронены останки Пирра, с бронзовым шлемом, висевшим на входной двери, но также изображение слонов, вырезанных на памятнике, установленном на том месте, где было сожжено тело великого полководца (Paus. II. 21.4). Едва ли следует порицать, как это делает Г. Скаллард²⁷, Пирра за то, что он решился на рискованный эксперимент – использовать слонов в бою на улицах города. Именно так, методом проб и ошибок, развивалось военное искусство в античную эпоху, и вклад в него Пирра нельзя не признать выдающимся. Как теоретик, он оставил после себя труды по военному делу, в которых вопросы использования слонов, без сомнения, должны были занять особое место.

Выделяя основные характерные черты армии Пирра, Ю. Н. Белкин сводит их к четырём моментам:

- она была регулярной, чем выгодно отличалась от полисных милиционно-наёмных войск;
- уровень боеспособности эпирских фалангистов был значительно выше условного среднегреческого уровня;
- вооружение, организация и тактика эпирской пехоты в целом соответствовали македонскому образцу;
- тяжёлая конница имела такое же большое значение, как и в македонской армии²⁸.

Из вышеперечисленных тезисов, безусловно, можно принять лишь первый. Действительно, созданная и хорошо обученная армия Пирра носила регулярный характер и намного превосходила гражданские ополчения греческих полисов. Говорить о эпиротских фалангистах едва ли вообще корректно, ибо, как свидетельствуют источники, в армии Пирра находилась именно македонская фаланга, предоставленная ему Птолемеем Керавном на два года. Без сомнения, у Пирра были подразделения эпиротской тяжелой пехоты, но это не были фалангисты. По этой же причине мы не можем принять и третий тезис Ю. Н. Белкина, ибо своей фаланги у Пирра не было. Что же касается последнего тезиса, то источники точно не сообщают, какая конница, тяжёлая или лёгкая, преимущественно составляла кавалерию царя.

Говоря о военном искусстве Пирра, надо отметить, что каждое сражение тщательно планировалось и продумывалось Пирром заранее. До нас дошла любопытная информация о том, что для моделирования боевых ситуаций Пирр использовал игрушечных солдатиков (Donat. ad Tarent. Eunuch., act. 4, sc. 7). Это метод, который, как нам известно, до Пирра никто не практиковал, использовался затем некоторыми военачальниками в течение очень долгого времени.

Длительное время римляне гордились своими военными лагерями, которые считались, чуть ли не образцовыми. Однако мало кому известно, что метод сооружения военных лагерей они переняли ни у кого-нибудь, а именно у Пирра. После битвы при Беневенте, когда римлянам достался его лагерь, они ознакомились с его расположением и затем полностью переняли методику его сооружения. Суть её заключалась в том, что всё войско охватывалось одним

общим укрепленным валом, в то время как римляне до этого устраивали лагерь по когортам в виде как бы отдельных сооружений (Front. IV. 1.14).

Армия Пирра была немногочисленной, но очень хорошо обученной и подготовленной. Поэтому при общей численности в 20 тыс. человек потеря трёх-четырёх тысяч считалась, чуть ли не катастрофой. Ярким свидетельством этого и является известная фраза Пирра: «Ещё одна такая победа и мы полностью погибнем», которую бросил царь после победы, обернувшейся тяжёлыми потерями. Дело в том, что, непрерывно находясь в походах и ведя постоянные войны, восполнить подобные потери, было невероятно тяжело. Ведь для обучения и тренировки солдат требовалось немалое время, которого у Пирра, к сожалению, не было. Зачастую, чтобы хоть как-то восполнить эти потери, приходилось набирать рекрутов в чужих землях и спешно их обучать, вооружая незнакомым для них оружием, располагая в боевом строю своих опытных ветеранов с малообученными аборигенами (Polyb. XVIII. 28.10). Всё это побуждало Пирра к бережному отношению к каждому солдату. Как справедливо указал Э. Бикерман, в эпоху эллинизма, когда сражения велись наёмными армиями, цена каждого воина была достаточно высока²⁹. Поэтому не раз можно было наблюдать, как, опасаясь больших человеческих жертв, при штурме различных укреплений, Пирр, рискуя пошатнуть свой высокий авторитет полководца, вынужден был отводить свои войска.

Что касается правовых аспектов взаимоотношений Пирра с его войском, то весьма показательной в этом отношении является надпись, где говорится о пожертвовании части добычи Додонскому Зевсу (SGDI 1368). Характерно, что представленные здесь царь Пирр, эпитроты и тарентинцы обозначены здесь как три отдельные и равноправные силы (при этом разделение чётко фиксируется союзом $\kappa\alpha\iota$). По-видимому, здесь мы сталкиваемся с одной из особенностей взаимоотношений царя и его войска у северо-балканских народов, сохраняющих между ними, хотя в начале III в. уже, по всей вероятности, и чисто формально, но некие особые отношения, уходящие своими корнями в глубокую древность.

Военное дело было предметом особого интереса Пирра, более того, оно было его страстью. Он им был увлечён настолько, что с течением времени древние начали рассматривать его как великого завоевателя-авантюриста, не могущего жить без войны, которая даже якобы, стала его главной целью в жизни (Enn. ann. VII. 180; Plut. Pyrrh. 13). В подтверждение своей мысли Плутарх приводит пассаж, в котором на вопрос, заданный ему на пиру кем-то из присутствующих, какой из флейтистов ему нравится, Пирр ответил: «Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве» (Plut. Pyrrh. 7).

Авторитет Пирра, как полководца, в древности был непререкаем, причём слава выдающегося стратега тянулась за ним через века. Ни один из античных авторов не осмелился поставить её под сомнение. Многочисленные свидетельства, дошедшие до нас, говорят об обратном. Напомним хотя бы некоторые из них. Хорошо лично знавший Пирра и впоследствии его противник в борьбе за

Македонию Антигон Гонат, на вопрос о том, кого он считает величайшим полководцем, ответил: «Пирра, если он доживёт до старости» (Plut. Pyrrh. 8). В свою очередь, Аппиан повествует об известной беседе Ганнибала со Сципионом Африканским, в которой карфагенянин на вопрос Сципиона, кого он считает величайшим полководцем, ответил, что на первое место он ставит Александра Великого, потому что тот разгромил полчища варваров и дошёл до самых далёких стран, на второе – Пирра, потому что тот первым начал сооружать военные лагерь, себя же поставив лишь на третье место (App. Syr. 35–36; Plut. Pyrrh. 8). Несколько иначе этот рассказ звучит у Тита Ливия, который ставит в заслугу Пирру не только приоритет в сооружении военных лагерей, но и в использовании местности, размещении караулов, а самое важное – в искусстве располагать к себе людей, таким образом, приобретая необходимых союзников (Liv. XXXV. 14.8–9). Понятно, что подобная похвала в устах самого Ганнибала дорогого стоит.

Не только греческие, но и сами римские историки превозносили полководческий талант Пирра. Так, у К. Энния мы находим весьма своеобразную характеристику Пирра: *stolidum genus Aecidarum: bellipotentes sunt magis quam sapientipotentes* (Enn. an. 175–176). У римского историка времён империи Ампелия мы находим не оставляющую никаких сомнений оценку Пирра: «Он превосходил всех греков в мудрости и опытности в военном деле» (Ampell. 28.3). Всё это убеждает нас в мысли о том, что в лице Пирра военная наука и искусство эллинистической эпохи нашли своего поистине выдающегося представителя.

Примечания:

- ¹ Левек П. Эллинистический мир. Пер. с франц. М., 1997. С. 87.
- ² Белкин Ю. Н. Пирр, царь Эпира // Сержант, 1989. № 5. С. 41–47.
- ³ Griffith G.T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1955. P. 61.
- ⁴ Griffith G.T. The Mercenaries of the Hellenistic World... P. 62.
- ⁵ Белкин Ю.Н. Пирр, царь Эпира... С. 43.
- ⁶ Hammond N.G.L. Epirus. Oxford, 1967. P. 569.
- ⁷ Белкин Ю.Н. Пирр, царь Эпира... С. 43.
- ⁸ Hammond N.G.L. Epirus... P. 569.
- ⁹ Белкин Ю.Н. Пирр, царь Эпира... С. 43.
- ¹⁰ Hammond N.G.L. Epirus... P. 569.
- ¹¹ Левек П. Эллинистический мир... С. 50–51.
- ¹² Дройзен И. Г. История эллинизма. Пер. с нем. Т. 2. Ростов н/Д, 1997. С. 420.
- ¹³ Дельбрюк Г. История военного искусства. Пер. с нем. Т. 1. СПб., 1994. С. 221.
- ¹⁴ Scullard H. The Elephant in Greek and Roman World. Cambridge, 1974. P. 103.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 197.
- ¹⁷ Judeich W. Konig Pyrrhos Romische Politik // Klio. Bd. XX. 1926. S. 11.
- ¹⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 222
- ¹⁹ Hamburger O. Untersuchungen uber den Pyrrhischen Krieg. Wurzburg, 1927.

- ²⁰ Hassel U. Pyrrhus. Munchen, 1947. S. 47.
²¹ Scullard H. The Elephant... S. 104.
²² Scala R. Der pyrrhische Krieg. Berlin-Leipzig, 1884. S. 147.
²³ Santi A. L'ultima campagna di Pirro in Italia // Neapolis. II. 1914. P. 286.
²⁴ Leveque P. Pyrrhus. P., 1957. P. 283.
²⁵ Scullard H. The Elephant... P. 112.
²⁶ Kienast D. Pyrrhus // RE. Bd. 24. Hbbd. 1. 1964. Sp. 155; Scullard H. The Elephant... P. 113.
²⁷ Scullard H. The Elephant... P. 118.
²⁸ Белкин Ю.Н. Пирр, царь Эпира... С. 43.
²⁹ Bickermann E. Apocryphal correspondance of Pyrrhus // CPh. 1947. V. XLII. P. 145.

Sarkis Kazarov. War-lord art and army of the king Pyrrhus of Epirus. The article is devoted to military art and army of the king Pyrrhus of Epirus. The author analyses military contingents of his army, his tactics in diffrents battles.

Key words: professional army, home guard, military art, cavalry, war elephants.

Отримано: 10.10.2015 р.

УДК 94(4-11) «1222/1223»

Олександр Головко

РЕЙД ТУМЕНІВ ДЖЕБЕ І СУБЕДЕЯ ДО СХІДНОЇ ЄВРОПИ В 1222-1223 рр. В ПРОЦЕСІ ТВОРЕННЯ МОНГОЛЬСЬКОЇ ІМПЕРІЇ І РАХ MONGOLICA

Олександр Головко. Рейд туменів Джебе і Субедея до Східної Європи в 1222–1223 рр. в процесі творення Монгольської імперії і Рах Mongolica. В статті розглядається історія першого вторгнення монгольських військ на територію Східної Європи в 1222–1223 рр., аналізуються обставини їх війни з половцями і Русью. Автором робиться висновок про невдачу завершення першої спроби монголів підкорити собі народи Східної і Центральної Європи.

Ключові слова: монгольські завоювання, рейд Джебе і Субедея, половці, Русь, битва на р. Калка.

Александр Головко. Рейд туменов Джебе и Себедея в Восточную Европу в 1222–1223 гг. в процессе создания Монгольской империи и Рах Mongolica. В статье рассматривается история первого вторжения монгольских войск на территорию Восточной Европы в 1222–1223 гг., анализируются обстоятельства их войны с половцами и Русью. Автор делает вывод о неудаче завершения первой попытки монголов подчинить себе народы Центральной и Восточной Европы.